

DOI: 10.15372/HSS20180418

УДК 94(47)"1930"

А.А. РАССКАЗИМОВ

**ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1930 Г. В СИБИРИ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ
КОНЦЕССИИ «ЛЕНА ГОЛЬДФИЛЬДС ЛИМИТЕД»**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

В статье рассмотрены причины, ход и итоги ликвидации концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» посредством проведения всеобщей забастовки на концессионных предприятиях в Сибири. Проанализированы ее цели, механизм проведения и результаты забастовки. Показано, что забастовка 1930 г. явилась своеобразным «финалом» в противостоянии советского правительства и крупной иностранной компании, при этом отражена высокая степень координации действий центральных и региональных партийных, советских и профсоюзных органов в ликвидации концессии. В результате всеобщей забастовки, которая хотя формально и проходила под эгидой профсоюзов, но фактически санкционировалась и контролировалась партийно-государственными структурами, в августе 1930 г. концессионная деятельность компании была прекращена. Забастовка отразила двойственность политики в отношении забастовочных акций – инициирование и допущение рабочих протестов в негосударственных секторах экономики и недопущение и подавление забастовок на государственных предприятиях.

Ключевые слова: концессия, концессионная политика СССР, «Лена Гольдфильдс Лимитед», Сибирь, всеобщая забастовка 1930 г.

A.A. RASSKAZIMOV

**THE GENERAL STRIKE OF 1930 IN SIBERIA AS A MEAN TO LIQUIDATE
THE CONCESSION “LENA GOLDFIELDS LTD”**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article considers reasons, course and outcomes of liquidation of concession “Lena Goldfields Ltd” by means of the general strike at its Siberian enterprises in 1930. The English company, working on the Lena gold mines before the October Revolution, and having the opportunity to continue this activity according to an agreement with the Soviet government in 1925, compiled with the basic terms of the agreement on gold mining in Siberia. Despite the existing contradictions and disagreements between the Soviet government and concessional administration, all conflicts were reconciled by finding compromises until 1929. The government ceased to consider the concession as necessary for the economic growth after sharp changes of political and economic conjuncture in 1929–1930, and their interaction turned to a destructive phase. The concessional enterprises in Bodaibo district were subjected to searches by the Joint State Political Directorate, which withdrew the business documents, arrested employees. Newspapers “Pravda” and “Soviet Siberia” published articles criticizing “Lena Goldfields” and pointing multiple violations of the concessional contract terms. The Soviet government didn’t respond to the written applications of the Board of Concession about its future fate, all foreign citizens among the workers and employees of the concession received an order to leave the USSR territory. Naturally, there was no talk of any payments to the Soviet workers of “Lena”. Since spring of 1930, salaries had not been paid, later problems with goods and food delivery began. The proceedings moved to the arbitration in London, and meanwhile (late May – early June of 1930) all the Soviet workers of “Lena” mines declared the general strike. The general strike was a necessary means in the matter of the legal substantiation to transfer gold mines under the state control. The strike committee of Bodaibo district had been created. It led “the fight” of the working class against the foreign capital. As a result of the general strike of 1930 sanctioned by political forces, not by trade unions, all enterprises of “Lena Goldfields” practically came under the government’s control in August 1930.

Key words: concession, USSR concession policy, “Lena Goldfields Ltd”, Siberia, general strike of 1930.

Александр Александрович Рассказимов – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: alexrasskazimov@gmail.com.
Alexander A. Rasskazimov – graduate student, Institute of History SB RAS.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» в Сибири в 1930 г., на конечном этапе ее функционирования. После корректировки экономического курса страны с введением нэпа и появлением необходимости выхода из политической изоляции эта концессия вернулась в Сибирь на Ленские золотые прииски. Концессионный договор¹ между правительством СССР в лице ВСНХ СССР и обществом «Лена Гольдфильдс Лимитед» окончательно был утвержден и подписан в Москве 14 ноября 1925 г. Договор включал 95 параграфов и дополнительные приложения. В Сибири к основным предприятиям концессии относились золотые прииски в Ленско-Витимском горном округе (далее – ЛВГО) (Бодайбинский район, Иркутский округ).

С подписанием концессионного договораправление концессии и советское правительство, несмотря на практически сразу же проявившиеся значительные нестыковки в вопросах правового регулирования деятельности иностранной компании, вынужденно действовали в рамках «благожелательной политики» по отношению друг к другу. Это несмотря на тот факт, что профсоюз горнорабочих и местная районная парторганизация неоднократно поднимали вопросы о нарушениях администрацией концессии трудового законодательства СССР и всячески старались противодействовать этим нарушениям [1, с. 66–80]. Это естественным образом касалось и установок сибирских властей, которые являлись проводниками государственной политики непосредственно на местах (период с 1925 по 1928 г., в ходе которого концессия выполняла условия договора по объемам золотодобычи в ЛВГО) [2, с. 284–292].

С завершением же 1928/29 хозяйственного года для концессии оказался исчерпан «допустимый потенциал» ее функционирования и наступил период агонии, обусловленный изменившейся политикой высших советских органов власти. Постепенное «выдавливание» иностранных концессионеров из экономики СССР проявлялось как путем ужесточения контроля над выполнением условий концессионного договора, так и в спланированных акциях, очевидно направленных на дестабилизацию производства, инструментами которых становились недовольство рабочих и обострявшиеся конфликты вокруг условий труда, оплаты, снабжения продуктами, товарами и т.д.

Так, согласно отчету Концессионной комиссии ВСНХ СССР, направленному на имя председателя Главного концессионного комитета (ГКК) при Совете народных комиссаров СССР Л. Б. Каменева от 13 января 1930 г. [2, с. 33–54], вопрос о дальнейшей эффективности деятельности «Лены Гольдфильдс» стоял достаточно остро. Комиссия ВСНХ предлагала правительству СССР «форсировать ликвидацию Ленско-Витимского объекта концессии, что в интересах правительства ... [будет достаточными] поводами для ликвидации Алтайского и Уральского объектов в нужный момент и быть подготовленным для включения предприятий этих объектов в систему горнопромышленности [СССР] [3, с. 53]».

В ночь на 15 декабря 1929 г. на золотых приисках концессии в Бодайбинском районе работники ОГПУ изъяли

всю техническую документацию, арестовали группу служащих – представителей высшей технической администрации [4, с. 32]. Четверых из них впоследствии обвинили в «шпионаже и контрреволюционной деятельности»².

В ответ на проведенные на концессионных предприятиях обыскиправление «Лены Гольдфильдс» в Лондоне перенаправило правительству СССР официальный запрос, в котором был поставлен логичный вопрос о дальнейшей судьбе концессии. Официального ответа не последовало, но 18 февраля 1930 г. комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по концессионным вопросам приняла решение о публикации материалов, полученных в ходе обыска на предприятиях концессии, с целью освещения невыполнения «Лены Гольдфильдс» пунктов концессионного договора, и, следовательно, делалась попытка ее скомпрометировать [3, с. 70]. На приисках «Лены» участились случаи привлечения к ответственности (в том числе к уголовной) концессионной администрации со стороны профсоюза горняков за различного рода нарушения [5, с. 110–112]. Это продемонстрировало более чем ясную картину отсутствия будущего для иностранной концессии в советской экономической системе. Подготавливая документы для организации международного третейского суда и разрешения там всех имеющихся к друг другу претензий, «Лена Гольдфильдс» лишила всех своих служащих административных полномочий, а весной 1930 г. начался постепенный выезд иностранных граждан с концессионных предприятий. По сути, уже к маю 1930 г. концессионная администрация фактически перестала существовать как руководящий центр предприятий в ЛВГО.

20 мая 1930 г. в кабинете председателя Сибрайплана состоялось совещание для обсуждения конкретных мероприятий по урегулированию создавшегося положения на предприятиях концессии. Для обсуждения этой ситуации на него были приглашены представители Уполномочии, Сибугля, Сибтруда, Госпароходства, Крайсовпрофа, ПП ОГПУ по Сибкраю, Крайпрокуратуры и Крайсовнархоза, а также редактор газеты «Советская Сибирь»³. На совещании были озвучены директивы высшего советского руководства о необходимости усилить давление на концессионную администрацию, что проявилось бы в предъявлении со стороны экономических организаций Сибири всевозможных финансовых претензий, которые накопились за годы «благожелательного» отношения к концессии (1925–1928 гг.). Все конфликты, связанные с нарушениями коллективных трудовых и концессионного договоров, которые ранее разрешались в пользу «Лены Гольдфильдс», теперь актуализировались.

1 июня 1930 г. председатель Сибрайисполкома И.Е. Клименко обозначил директиву, которую предстояло реализовать местным органам в отношении предприятий «Лены» в Сибири: «Концессионная администрация «Лены Гольдфильдс» бросила [на] произвол судьбы предприятия, не уплатив рабочим причитающейся зарплаты. Имеются сведения [о] затоплении шахт, приведении [в] негодность имущества предприятий. [В] связи [с] изложенным выше

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 891. Л. 132–167.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 593.

³ Там же. Ф.Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 36.

предлагаем руководствоваться следующим: ни в коем случае недопустимо официальное принятие советскими хозяйственными органами концессионных предприятий, необходимо лишь организовать самую тщательную охрану имущества официальными органами власти [и] милицией. [В] тех случаях, когда налицо порча имущества, затопление шахт [–] необходимо оформление положения ... актами горного надзора, немедленное принятие мер [по] недопущению дальнейшего разрушения предприятия, также исправления уже имевшего место разрушения ...»⁴.

Примечательна установка Сибкрайисполкома о «неприятии» концессионных предприятий советскими организациями, очевидно, преследовавшая не только политические цели, но имевшая и правовую подоплеку – принятие таковых сразу же после отъезда руководителей концессии могло в дальнейших спорах трактоваться как обычный захват, проведенный государством путем экономического и внешнеэкономического давления; предпочтительнее был прием предприятий «Лены» после «всеобщей» забастовки, когда рабочие и служащие сами «потребуют» возвратить все предприятия в государственную собственность.

31 мая 1930 г. райком Всероссийского профессионального союза горняков (ВСГ) предъявил требования управлению концессии в ЛВГО о выплате в 16-часовой срок задолженности по заработной плате за апрель–май 1930 г., а также за сданное старателями золото. Объялялось, что в случае невыполнения данных требований в указанный срок работы будут приостановлены «путем забастовки».

В ответ на эти требования представители администрации концессии в письменном виде уведомили профсоюзную организацию о том, что они, во-первых, лишены доверенностей и полномочий Главным управлением концессии в Москве, а во-вторых, попросту не имеют средств для выплаты заработной платы рабочим. С отстранением от руководства делами концессии бывшего директора Э.Н. Крюгера Главное промысловое управление концессии в ЛВГО фактически перестало существовать, остался лишь концессионный аппарат, который продолжал работу на основании решения уполномоченного ГКК от 8 мая 1930 г., уже не имея на то полномочий от Главного управления концессии в Москве. Соответственно, требования райкома ВСГ не могли быть выполнены, и представители оставшегося аппарата концессии в своем письменном ответе на требования райкома ВСГ заявили, что они «персонально подчиняются всем решениям райкома по этому вопросу»⁵.

30–31 мая 1930 г. по всем приискам концессии в ЛВГО проводились митинги и собрания рабочих, служащих и старателей, на которых выносились решения об объявлении с 1 июня 1930 г. всеобщей забастовки⁶.

Следует отметить, что ЦК и райком ВСГ получили директиву от высшего руководства СССР о том, что митинги должны проводиться не только под знаком требования ликвидации задолженности и выплаты различных неустоек, а также с предъявлением требований от правительства СССР

передать предприятия «вредительской» концессии обратно под государственное управление⁷.

Рабочие и служащие концессии полностью поддержали эту директиву и принимали на общих собраниях «необходимые» решения. Так, рабочие Светлого прииска 31 мая 1930 г. в количестве 309 чел. объявили забастовку с невыходом на работу, однако обязались «ни в коем случае не допускать затопления шахт и шурfov и хищения всякого рода имущества и вредительства». То есть рабочие фактически обязывались выполнять необходимые операции для поддержания шахт и рудников в рентабельном состоянии, что в принципе выходило за рамки «забастовки». С целью поддержания общественного порядка на период забастовки собрание вынесло решение закрыть торговлю спиртными напитками и приостановить выезд работников из района Светлого прииска⁸.

31 мая – 1 июня 1930 г. работы приостановились на Ленинском и Артемовском приисках ЛВГО. В ходе проведенных митингов было принято решение о создании стачечного комитета в количестве пяти человек, закрытии винной лавки для сохранения порядка, организации групп по три человека для обхода шахт и помещений приисков. 2 июня 1930 г. началась выдача продуктов бастующим рабочим и служащим⁹.

1 июня 1930 г. забастовали рабочие буровой разведки концессии и Кропоткинского прииска. Рабочие требовали от концессии покрытия убытков, «понесенных от вредительства, хищнического ведения работ», взыскания всех задолженностей перед профессиональными и правительственные организациями. Телефонограмма в райком ВСГ и стачечный комитет с Кропоткинского прииска явилась одним из самых ярких примеров того формализма и той безропотной поступи профессиональных союзов в рамках указанных высшим руководством страны ориентиров: «Прииметь к конкретным вредителям суровые меры наказания, немедленно ликвидировать концессию, [со] своей стороны заверяем правительство, что на развалинах концессионного предприятия организуем свое предприятие СОЮЗЗОЛОТО, выполнять задание по добыче золота, все трудности по выполнению пятилетнего плана горняки Бодайбина преодолеют. Долой вредителей концессию, суровая кара конкретным носителям вредительства, хищничества. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВКП(б) [–] вождь строительства социализма в СССР»¹⁰.

Для общего руководства ходом забастовки был создан стачком Бодайбинского района из членов райкома ВСГ ЛВГО¹¹.

Исходя из заявленного формального повода забастовки, одной из первоочередных задач стачкома стало выявление общей суммы задолженности по зарплате рабочим, служащим и старателям концессии и передача полученных данных в прокуратуру. Согласно акту инспектора труда Бодайбинского района за январь–май 1930 г. задолженность управления концессии перед рабочими, служащими, старателями за сданное золото и сезонными рабочими исчислялась примерно в 170 тыс. руб.¹²

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 573.

⁸ Там же. Л. 577.

⁹ Там же. Л. 578.

¹⁰ Там же. Л. 580.

¹¹ Там же. Л. 589.

¹² Там же. Л. 586.

⁴ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 37.

⁵ Там же. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 576.

⁶ Там же. Л. 569.

Из 1500 бастующих рабочих, старателей и служащих в ЛВГО почти 400 чел. было занято на разного рода работах: дежурство в шахтах, отвод воды и проч. Все эти работы по мере необходимости постепенно прекращались и производились только в случаях экстренной необходимости и по линии обеспечения самих рабочих. При обращении администрации концессии к местным властям по привлечению рабочих к ряду поручений, как правило, последние отказывались, оставляя за собой «законное» право не выходить на работы до полного погашения задолженности. Естественно, что призывы выйти на работу в случаях «экстренной необходимости» исходили от стачечного комитета и находили поддержку в рабочей среде. В основном, кроме охраны предприятий, работа во время забастовки заключалась в отправлении один раз в неделю поезда в тайгу с материалами и продуктами, разгрузке пароходов, прибывающих с грузами треста «Союззолото». Причем в распоряжениях Стажкома по вопросам транспортировки грузов акцент делался не на том, что эта мера связана с необходимостью продолжения нормального функционирования государственного предприятия, а на потребности переброски на прииски концессии кооперативных товаров и продовольствия, необходимого самим рабочим. Концессионные магазины на приисках и касса не были опечатаны с целью снабжения рабочих продуктами питания и необходимыми материалами в счет заработной платы за апрель–май 1930 г.¹³.

В течение июня–июля 1930 г. при продолжавшейся забастовке в ЛВГО концессионные рабочие стали проявлять «настойчивое желание» прекратить таковую и перейти на работу в государственный трест «Союззолото» с целью «выполнения плана по сдаче золота государству в условиях пятилетнего плана»¹⁴. Естественно, часть рабочих мало интересовал вопрос срывов производственных программ – переход в «Союззолото» преследовал своей целью возможность рассчитаться и уволиться, отработав определенное время. Это было необходимо в связи с запретом въезда и выезда с приисков в ЛВГО на время забастовки – общая дезорганизация вкупе с «наплывом» большого количества «копачей» могла негативно повлиять на экономическую обстановку на предприятиях прекратившей свою деятельность концессии. И рабочие вынужденно находились в своего рода «подвешенном» состоянии, когда не было ясности в вопросах полной выплаты заработной платы, от которой значительная часть была готова уже отказаться, и действовал запрет на выезд из района или переход на работу в государственный трест. В данных условиях профсоюз вел «просветительскую» работу – организовывались собрания с «проработкой» тезисов к XVI съезду ВКП(б), все остальное время рабочие были заняты работой на огородных участках¹⁵.

13 августа 1930 г. на закрытом заседании Бодайбинского райкома ВКП(б) рассматривались вопросы, связанные с директивным распоряжением высшего советского руководства о прекращении всеобщей забастовки. В связи с этим заседание постановило провести ряд мероприятий: выпустить

специальную листовку для освещения хода ликвидации забастовки и порядка управления работой предприятий в обозримом будущем, а также распустить Стажком и стачкомы на местах, для чего объявлялось о проведении митингов на приисках. На митинги посыпались члены данного закрытого заседания (Юрьев, Георгиев, Грудницкий). Управление предприятиями бывшей концессии поручалось прежней администрации из числа советских граждан под руководством уполномоченного ГКК Красникова. Основными задачами временного руководства приисками в ЛВГО явились восстановление и сохранение имеющегося оборудования предприятий и обеспечение перехода на зимовку¹⁶. Примечательно, что уже 15 августа 1930 г., наряду с важнейшими директивами в области промышленного развития, вновь разрешалась продажа «вина» в Бодайбинском районе в лавках Центроспирта¹⁷.

Несмотря на формальное существование концессии «Лена Гольдфильдс», но вследствие отсутствия соглашения между правлением компании и советским правительством фактически с августа 1930 г. руководство предприятиями перешло к государству. Осуществляло его главное управление «Ленабанка» [6, с. 91] и Ленско-Витимское приисковое управление. В 1932 г. на базе этих предприятий был образован трест «Лензолото», объем годовой добычи которого в 1934 г. достиг 5 т [7, с. 120] (312,5 пудов), что было значительно меньше от уровня золотодобычи «Леной Гольдфильдс», на предприятиях которой условия договора по годовой добыче в ЛВГО 400 пуд. золота выполнялись вплоть до 1928 г. Однако нужно учитывать тот факт, что такой механизм, как концессия, требовал совместных усилий для его реализации, и указывать при расторжении договора на единственного виновника неправомерно [5, с. 113–114].

Только после нескольких лет третейских разбирательств, 4 ноября 1934 г. правительство СССР и компания «Лена Гольдфильдс Лимитед» пришли к взаимному соглашению о прекращении действия концессионного договора, подписанныго 14 ноября 1925 г., и согласовали все условия его разрыва [3, с. 146–149]. Согласно подписенному соглашению, все завезенное концессией оборудование и капиталы, вся техническая документация перешли в собственность СССР вместе с долгами, которые «Лена» имела перед советскими учреждениями, но не перед иностранными компаниями. В свою очередь правительство обязывалось выплатить концессии 3 млн фунтов стерлингов без каких-либо процентов в рассрочку до 1954 г. и освобождало ее от всех имеющихся долгов в СССР. От других возможных претензий к друг другу стороны отказались.

Деструктивная фаза взаимодействия сибирских органов власти с концессионной администрацией свидетельствует еще раз о том, что в советском государстве сложилась и укреплялась жесткая тоталитарная система управления. Основываясь на первоочередности решения внутренних и внешнеполитических целей и задач, высшее советское руководство низводило местные организации до исполнительного уровня непосредственных проводников общегосударственного курса, отклонение от которого приводило

¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 42 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 707.

¹⁷ Там же. Л. 706.

к обвинениям в «правом уклоне», превышении служебных полномочий, «шпионаже» и проч.

Все мероприятия, проведенные местными органами власти в соответствии с поступившей сверху директивой скомпрометировать концессионную администрацию и выставить ее только в негативном свете, демонстрируют своего рода отраженную систему государственной вертикали власти. При необходимости поддержания «доброжелательных» отношений с правлением «Лены Гольдфильдс» на начальном этапе ее деятельности (1925–1928 гг.), в основном по политическим мотивам, высшее советское руководство шло навстречу концессионерам в проявлявшихся конфликтных ситуациях с сибирскими организациями. С изменением же политической конъюнктуры к 1930 г. такая необходимость отпала. Политика в очередной раз оказалась главенствующей над экономикой, поскольку производственный потенциал концессии на этот момент далеко не был исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Угроватов А.П. Из истории борьбы партийных организаций Сибири за трудовые права рабочих концессии «Лена – Гольдфильдс – Лимитед» (1925–1930 гг.) // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма: сб. науч. тр. (Материалы к «Истории рабочего класса в Сибири»). Новосибирск, 1977. Вып. 2. С. 66–80.
2. Рассказимов А.А. Взаимоотношения сибирских партийных, советских и профсоюзных органов с администрацией концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» в рамках конструктивного сотрудничества (1925–1928) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск, 2016. С. 284–292.
3. Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М.: Ин-т российской истории РАН, 2006. Ч. II. 401 с.
4. Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields LTD and Soviet Government // Cornell law Review. 1950. Vol. 36, iss. 1. P. 31–53.

5. Угроватов А.П. Частная промышленность Сибири и трудовое законодательство в 20-е годы: практика исполнения. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1998. 120 с.

6. Юдина Т.В., Булатов В.В. Особенности процесса перехода (возврата) концессий к государству на примере концессии «Лена Гольдфильдс» // Власть. 2013. № 09. С. 161–164.

7. Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII – XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.

REFERENCES

1. Ugrovativ A.P. On the history of party units' struggle in Siberia for the workers labor rights at the concession "Lena Goldfields Ltd" (1925–1930). *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma*. Novosibirsk, 1977, iss.2, pp. 66–80. (In Russ.)
2. Rasskazimov A.A. The relations between the Siberian party, Soviet and trade-union authorities and the administration of concession "Lena Goldfields Ltd" in the framework of constructive cooperation (1925–1928). *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik*. 2016. Irkutsk, 2016, pp. 284–292. (In Russ.)
3. Khromov S.S. Foreign concessions in the USSR. A historical essay. Dokuments. Moscow, IRH RAS, 2006, pt. 2, 401 p. (In Russ.)
4. Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields LTD and Soviet government. Cornell law Review. 1950, vol. 36, no. 1, p. 31–53.
5. Ugrovativ A.P. Private industry of Siberia and labor legislation in the 1920s: practice of execution. Novosibirsk, Soviet Siberia, 1998, 120 p. (In Russ.)
6. Yudina T.V., Bulatov V.V. Features of the process of transition (return) of concessions to the state, a case of the concession "Lena Goldfields". Vlast. 2013, no. 9, pp. 161–164. (In Russ.)
7. Sapogovskaya L.V. The national gold industrial policy of the XVIII–XX centuries, or does Russia need gold? Ekaterinburg, UrB RAS, 2008, 328 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 17.09.2018